ПАРТНЕР ВЫПУСКА ГАЗПРОМБАНК БАНК ГПБ (АО)

ГРАНОВСКИЙ НАУМ/ФОТОХРОНИКА ТАСС

ПОЛИТИКА

Лежит и смеется над нами

В каждую годовщину революции в России возникает дискуссия «А не пора ли похоронить Ленина?». К 100-летию октябрьского переворота спор вышел особенно жарким и, как всегда, ничем не кончился. **Виктор Лошак** в материале «Д» — о чем мы спорим.

Виктор Лошак

Спор начался, откуда не ждали, и в этот раз ожесточился до предела. Сначала появились довольно безобидные данные социологов о том, что, по их опросам, большинство молодежи за то, чтобы наконец Ленина предать земле. Неожиданно остро на это отреагировал лидер Чечни. «Хватит глазеть на труп Ленина,— записал он у себя в Instagram,— пора его похоронить». Давно приватизировавший право защищать Мавзолей Геннадий Зюганов отреагировал на этот раз почему-то болезненнее обычного: предложение Рамзана Кадырова он назвал «болтовней» и «попыткой столкнуть поколения на Красной площади». Но тут уже Кадыров, видимо, был задет не столько защитой мумии, сколько недостаточным к себе уважением. Дискуссия-2017 грозит перейти в режим оскорблений. Лидер Чечни обвинил лидера КПРФ в том, что тот «не слышит новых поколений», и предположил, что это и есть «старческое слабоумие». Возможно намекая на то, что и Ленин когда-то закончил жизнь, по заключению врачей, «от размягчения тканей головного мозга».

Кремль, надо сказать, не успел вовремя развести спорщиков по углам политического ринга. К тому моменту когда пресс-секретарь президента заявил, что у власти нет в повестке дня закрытия Мавзолея, спор уже был в разгаре. Более того, к нему, как и ко всему, что вызывает общественное внимание, подключилась гламурная Ксения Собчак, объявившая себя кандидатом в президенты: «Рамзан Кадыров вслед за мной предлагает похоронить Ленина…» Тут же на поддержку Кадырова бросилась и депутат Наталья Поклонская. Если это серьезно и эта фанатичная дама, автор 43 жалоб генеральному прокурору на фильм «Матильда», переключилась с кино на Мавзолей — коммунистов ждут тяжелые дни.

В принципе все давно могло быть решено. Счастливые толпы демонстрантов в праздники и каток на кладбище, которым частично является Красная площадь,— это действительно удивительный российский парадокс. Мы-то как-то привыкли, а иностранцы удивляются страшно. Но сложилось так, как сложилось. Сначала руководство большевистской России пошло за мнением Сталина, который еще при жизни Ленина на Политбюро осенью 1923-го предложил тело вождя после смерти забальзамировать. Трудно предположить, имел ли он уже тогда в виду новую парадигму: дать народу нового царя — себя — и нового бога — Ленина. Или думал так же, как его соратник Григорий Зиновьев, признававшийся в январском выпуске «Правды»: «Зарыть в землю тело Ленина — это было бы уж слишком непереносимо».

Впрочем, в архивах сохранились и другие мнения соратников по большевистскому руководству. «Были мощи Сергея Радонежского и Серафима Саровского, теперь их хотят заменить мощами Владимира Ильича»,— записал в дневнике после рассматривавшего сталинскую идею бальзамирования заседания политбюро Троцкий. В эти же дни Бухарин в письме обещал: «Постараемся для низов… открыть мощи Ильича под коммунистическим соусом».

Пока готовились проводы вождя, пока официальный паровоз Ленина У127, на который за восемь месяцев до смерти Ильич был назначен почетным старшим машинистом, вез труп из Горок в Москву, у власти возникло еще несколько соображений в пользу мощей. Во-первых, наука стремительно движется вперед — а вдруг со временем забальзамированного удастся оживить? Во-вторых, труп напоказ — страховка от самозванцев. По стране уже ходил слух, что Владимир Ильич пытается убежать из Кремля, чтобы покаяться за все, что натворил.

У бальзамирования вождя была одна непримиримая противница — его жена Надежда Крупская. По слухам, Сталин отверг ее категорические требования фразой: «Уймитесь, или мы найдем другую вдову».

Пережив десятилетия сакрального поклонения, Мавзолей, покрытый гранитом, мрамором и розовым кварцитом, достоял до времен, когда споры о его будущем возникают как минимум раз в год — с приближением очередной годовщины революции 1917-го. Глядя из сегодняшнего дня, можно признать, что сохранение Мавзолея, а главное, незахороненного Ленина — это определенное везение этого сталинского проекта. Еще в годы перестройки в одном из выпусков популярной телепрограммы «Взгляд» режиссер Марк Захаров призвал похоронить Ленина на Волковом кладбище тогда еще Ленинграда рядом с матерью. Идея бурно обсуждалась — помню, как газета, в которой я работал, печатала снимки кладбища и захоронения Ульяновых с предложением точного места могилы для Ильича.

> Труп напоказ — страховка от самозванцев. По стране уже ходил слух, что Владимир Ильич пытается убежать из Кремля, чтобы покаяться

Очень сильно по поводу захоронения вождя большевиков выступил после победы над ГКЧП на последнем заседании Съезда народных депутатов СССР Анатолий Собчак. Он считал, что захоронение вместе с самороспуском съезда подвело бы черту под большевистским этапом истории России. Собчак предлагал не разрушать сам Мавзолей, оставив его как памятник злодеяниям коммунистического режима. На его взгляд, Мавзолей мог бы стать музеем большевистского террора. Известный демократ даже предложил его структуру: первый этаж — ленинский террор и военный коммунизм, второй — сталинский террор, коллективизация и послевоенные репрессии, третий — постсталинский ГУЛАГ и, наконец, четвертый — политические репрессии последнего периода большевиков.

Но Михаил Горбачев на сказанное Собчаком никак не отреагировал и предложение не поставил на голосование. Через несколько минут после этого выступления президент СССР объявил съезд закрытым. Сам Собчак еще не раз возвращался к своей идее. Он даже рассказывал, что во Франции в ночь перед тяжелой кардиологической операцией ему в подробностях приснились похороны Ленина и даже то, что президент объявил по этому поводу выходной и назвал его «днем проводов Ленина».

Глядя на последние четверть века российской истории, нужно трезво признать, что именно этот момент — конец СССР, начало новой страны, вдохновение победой над ГКЧП — был единственно возможным для закрытия Мавзолея без крупных политических осложнений и массовых протестов. Частично объяснение, почему это не произошло, можно найти в описании событий группой помощников первого российского президента, авторов коллективной хроники «Эпоха Ельцина». В этот момент смены власти и даже формаций посчитали более важным запрет КПСС как таковой и контроль над комплексом зданий на Старой площади с их узлом связи и пунктом командования вооруженными силами.

> Именно этот момент — конец СССР, начало новой страны, вдохновение победой над ГКЧП — был единственно возможным для закрытия Мавзолея

Есть, правда, и другое предположение. Судьба Бориса Николаевича, его комсомольская юность, искренняя вера и стремление в партию, блестящая карьера внутри КПСС в чем-то сдерживали его антикоммунизм. Возможно, Мавзолей казался ему символом безобидным, который можно на какое-то время и оставить. Даже его соратник «архитектор перестройки» академик Александр Яковлев скажет позже: «К сожалению, президент России не смог довести до конца запрет большевизма — и политики, и идеологии».

Ради справедливости стоит вспомнить, что в 1997 году Ельцин в полемике с коммунистами все же высказался о необходимости Ленина захоронить, но при коммунистическом большинстве в Думе поддержки, понятно, не нашел. Более того, коммунисты выступили со специальным заявлением по поводу Мавзолея. На это пресс-секретарь президента Сергей Ястржембский заявил, что «на проработке находится идея всенародного опроса по этому поводу». Но, видимо, дальше идеи дело не пошло.

Автор книги о новейшей российской истории «Вся кремлевская рать» журналист Михаил Зыгарь утверждает, что в 1999 году в Кремле был разработан детальный план по захоронению Ленина. Тело предполагалось вынести из Мавзолея ночью и в обстановке строгой секретности вывезти в Санкт-Петербург. Страна проснется, а Ленина на Красной площади уже нет, так же, как за одну ночь исчез из Мавзолея 38 лет назад Сталин. Правда, захоронили последнего тут же, рядом с Мавзолеем у Кремлевской стены.

В дополнение к похоронам планировалось разобрать Мавзолей, а на его месте возвести памятник жертвам тоталитаризма. Сложностью, конечно, было оцепить Мавзолей и Волково кладбище на несколько месяцев от возможных протестов. Но главные препятствия нашлись в законодательстве. Оказалось, что Ленина невозможно перенести ни по одной из трех допустимых тогда законом причин. Во-первых, категорически против были и остаются потомки: внучатая двоюродная племянница. Во-вторых, тогда невозможно было договориться с местными властями, которые могли принять специальное решение. Мэр Москвы Лужков в то время уже стал открытым оппонентом Ельцина. Третьей причины — могилы, мешающей проезду,— просто не существовало.

И главное, что в 1999-м политическая ситуация сложилась так, что вместо Ленина администрации Ельцина пришлось бороться с Примаковым.

Рано или поздно, конечно, Ленина похоронят. Среди сторонников этого решения есть очень важные фигуры, которыми являются патриарх и его окружение. Митрополит Илларион сформулировал это так: «Мумифицированные тела этих людей (палачей.— „Д“) не должны лежать и выставляться на всеобщее обозрение, просто сейчас никто не заинтересован в расколе, в том, чтобы бередить старые раны». Эту же мысль буквально на днях, реагируя на спор лидеров КПРФ и Чечни, повторил другой высокий чин патриархии — Владимир Легойда.

Возможно, полемика закончится и по научным причинам. Однажды мумия уже была в кризисной биологической ситуации, когда ее захоронение виделось как реальный выход из ситуации. Полемика вокруг Мавзолея не может длиться вечно. То и дело в Думе появляются законодательные инициативы, связанные с похоронами Ленина. Последними недавно такой закон совместно предложили депутаты от ЛДПР и «Единой России». Во времена, когда политику молодого президента Путина Анатолий Чубайс назвал «правые реформы под левыми лозунгами» (имелось в виду создание законодательной базы рыночной экономики при полевении идеологии), Владимир Владимирович высказался в том же духе и по будущему Мавзолея: похоронить Ленина можно будет тогда, когда этого захочет большинство населения. Ну вот, собственно, Кадыров и опирался на мнение большинства. Правда, молодежи. Ей уже совсем не понятна идеология обожествления этого символа. В интернете то и дело возникают дискуссии на этот счет. По ним видно, что молодые смотрят на Мавзолей совершенно по-другому: «Приходить и любоваться на труп? Как-то странно…», «Ленин в Мавзолее — это, наверное, такая фишка для иностранцев», «Лежит там и смеется над нами…».

НАСЛЕДИЕ

Исторические выборы

>> стр. 1

— В результате был взят курс на эклектику, на выборочную эксплуатацию исторических событий, явлений и фигур, соответствующих контексту и формирующих положительный образ «нас»,— поясняет Ольга Малинова, профессор Высшей школы экономики.— Прошлое использовалось по принципу меню a la carte, внятной «политики памяти» не существовало ни во время первых двух президентств Путина, ни во время президентства Медведева.

Яркой иллюстрацией воцарившейся эклектики, или в другой терминологии «доктрины тотального преемства», стали официальные государственные символы России, утвержденные в 2000 году: трехцветный флаг — знамя борьбы за демократию в 1991 году, герб с двуглавым орлом — символ царской империи — и гимн, положенный на советскую мелодию.

Потребовался вызов, связанный с протестными демонстрациями 2011–2012 годов, чтобы шаткость и невыразительность новой версии российской государственности стали очевидны Кремлю. В ответ были инициированы проекты новых памятников, обсуждение «единого учебника» истории, создание российских исторического, географического и военно-исторического обществ, масштабные выставки в Манеже и городах России — словом, история, а главное, коллективная память и идентичность стали предметом политической заботы. В 2015 году высказывались идеи создать новый пантеон «красных дней» календаря, в который планировалось включить четыре осевых праздника — День Победы (служащий стране, по выражению историка Николая Копосова, «мифом основания»), День народного единства, День России и День воссоединения Крыма с Россией. При этом в том же 2015 году серьезных успехов добилась коалиция либеральных сил во главе с Сергеем Карагановым, выступающая за последовательную критику советского проекта: в центре Москвы в новом здании открылся Музей ГУЛАГа, а правительство утвердило госконцепцию по увековечиванию памяти жертв политических репрессий. «Стена скорби» — один из первых запланированных и осуществленных проектов в рамках этой концепции.

> В 1990-е годы был демонтирован советский политический режим, но не советская версия истории

Пять лет, прошедших под знаком «политики памяти» и ожесточенных споров о нашем прошлом, показали, что историческое поле сегодня слишком сложное пространство для прямого диктата сверху, в нем нет и не может быть монополии (даже если бы Кремль точно знал, что хочет сказать гражданам). Скажем, попытка власти установить памятник примирения и согласия в Крыму в память о столетней годовщине революции столкнулась с мощным сопротивлением среды: сталинисты не хотят примиряться с «буржуями», сторонники имперской России — с убийцами царя. По словам Ольги Малиновой, в результате протестов «инициативных граждан» сорвался «контрапункт двух памятников» — «Стены скорби» в Москве и стелы единения в Крыму, который был запланирован Кремлем на конец текущего года. Выяснилось, что работа с символами требует еще и глубокой проработки «трудного» или «горячего прошлого», продолжающего разделять российское общество.

Поэтому главная интрига сегодня не в том, чтобы разгадать коварный план российской власти по «советизации» всей страны, а в том, чтобы понять, осознается ли во власти масштаб проблемы — создания общей памяти в обществе, пережившем историческую травму,— и есть ли готовность работать с этой проблемой «вдолгую». Если есть, то вслед за признанием трагизма репрессий встанет вопрос и о признании вины, и об ответственности виноватых. Окажется недопустимой известная мера эклектики и «политической гибкости», позволявшая власти еще недавно дружить и со сталинистами-кургиняновцами, и с системными либералами. При этом понятно, что «примирить» тех и других общими фразами с ходу и за год не получится: здесь дело не столько в политических заявлениях, сколько в изменении среды.

— Разговор о жертвах репрессий стал допустимым в российском обществе, в отличие от разговора об исполнителях репрессий,— считает Ольга Лебедева, ученая, участник проекта «Топография террора» «Мемориала».— При этом в сфере гражданских проектов фокус смещается как раз на вопрос об ответственности — в противном случае мы можем получить общественное представление о репрессиях как о некоей «безликой силе», которая существует сама по себе и проходит, как стихийное бедствие. Думать об ответственности неудобно, как метко заметила в нашем опросе одна девушка-студентка: «Конечно, очень важно помнить о репрессиях, о жертвах и палачах, но не каждый же день». Это принципиально: люди часто готовы сочувствовать, сопереживать, но не хотят, чтобы память о зле XX века, о собственной причастности к этому злу стала их базовым знанием.

> …Вслед за признанием трагизма репрессий встанет вопрос и о признании вины, и об ответственности виновных

И кино, и телевидение, и большая доля современной прозы в России чрезвычайно часто сводят разговор о советском проекте все к тем же эмоциям, близким и понятным аудитории. Кипят мелодраматические страсти, рвутся нити судьбы, случаются истерики, но не рождается дискуссии и новой рациональности — понимания, что «никогда впредь». В такой атмосфере даже «Стена скорби» рискует стать просто эмоциональным высказыванием, между тем как нужно, очевидно, большее: нужно место и время для рефлексии. Нужна особая политическая цензура, подталкивающая общество к выбору самого себя.

В происходящем не обязательно искать злой умысел — его можно объяснить все той же нерешительностью перед историей, характерной для новой России. Мы все еще не разобрались, что взять с собой в будущее. «Менеджмент истории», как заметил Иван Курилла, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, пока новая для нас специальность. И важнейший вопрос сегодня — это, по-видимому, выбор компетентных «менеджеров». Этот выбор происходит в живой и состязательной «политике памяти» и реально зависит от людей — тех, кто раскапывает архивы, зажигает свечу в память о жертвах репрессивной машины, собирает деньги для проектов Музея ГУЛАГа (скажем, средняя школа №3 станицы Кировская Ростовской области вместе с родительским комитетом собрала и пожертвовала на «Стену скорби» 75 тыс. руб.). Каждое действие в этом политическом поле становится голосом и определяет контуры того миропонимания, в котором России предстоит жить.